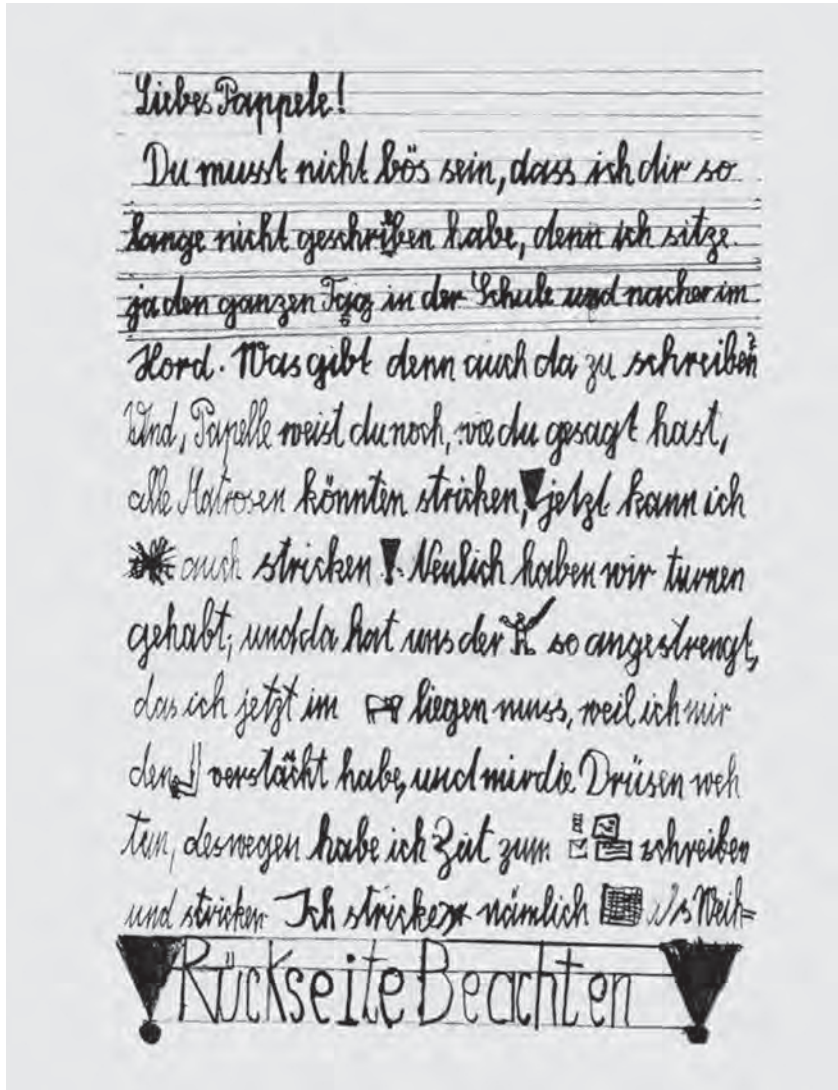

Вот так выглядит, наверное, один из первых опытов совсем еще маленького Маркуса Вольфа в эпистолярном жанре. Автор письма — об этом свидетельствует даже почерк — именно он. Но к его подписи в конце присоединил свой автограф младший братишка Конрад.

nachtgeschenke für Tante Anele und Paten-
hammi; und für die Lotti, ein Kläppeli für
ihr kleines ^{BABY} Tappeler, ich möchte so schnell
wie nur möglich dich nach C.C.R. kommen und
wenn du nicht willst, so kommen wir einfach
allein.

Viele 1000000... Kusslein DEIN

KONRAD

Markus

Перевод гласит:

Дорогой папуля!

Не обижайся, что я тебе так долго не писал, ведь я целый день торчу в школе, а потом в продленке. И о чем тут писать? Да, папуля, помнишь, как ты говорил: все матросы умеют вязать! Теперь я тоже умею вязать! Недавно у нас была физкультура, и нас заставили так тренироваться, что теперь я лежу в кровати, потому что я вывихнул руку, и теперь у меня болят железы. Поэтому у меня есть время писать письма и вязать. Я вяжу к Рождеству шарфики в подарок тете Грете и крестной Ханни, и для Лотты пинетки, для ее ребенка. Папуля, я хочу как можно скорее тоже поехать в СССР, и если ты не хочешь, тогда мы просто приедем сами.

100 000 поцелуев

Твой

*Конрад
Маркус*

Москва, 30 декабря 1944 г.

Дорогая Киса!

Сначала крепкий поцелуй за твое милое и нежное письмецо. Густав косо смотрел на меня, когда я углубился в чтение, — такая была у меня улыбка, настолько я был доволен и счастлив. Не буду описывать тебе это в подробностях, ты же сама знаешь, как это бывает, когда хоть и чувствуешь нежные объятия и поцелуи, но не ощущаешь их.

Товарищ Бальцер передала мне сегодня утром огроомный привет, произнеся его с таким нажимом, что я у телефона к большой «радости» моей «подруги» Эрны густо покраснел, когда почувствовал на своих небритых щеках крепкий поцелуй. В принципе я хотел написать небольшое письмо, потому что мне нужно сейчас бежать в «Люкс»¹. К тому же я только вернулся с работы и еще на взводе. Ты даже не можешь представить себе, в какой круговорот я угодил. Как завертится все с утра, так целый день в суматохе, пока я вдруг не вспомню, что уже нужно бежать на троллейбус, чтобы не опоздать.

В следующий четверг мне отчитываться на нашем заседании за две недели нашей работы, а я действительно не знаю, как закончить отчет: завтра я буду пахать с утра и до ночи как лошадь, в понедельник я тоже работаю, но нужно будет уйти пораньше на лекцию. Во вторник я отдыхаю, в среду еду в лагерь № 27. Как я уже сказал, как белка в колесе. Но не сочувствуй мне, поскольку, во-первых, тебе тоже приходится заниматься своими делами. А во-вторых, работа доставляет мне удовольствие. Но все же извини за это письмо в спешке.

Итак, моя любимая маленькая нежная женщина, позволь пожелать тебе радостного и счастливого Нового года. Твой муж в 24.00 возьмет ситуацию под контроль и секунду будет думать о тебе. Чуть раньше или позже я выпью с Петей, а потом буду думать, долго и только о тебе. Я подниму свой кубок (в моем случае: чашку) за то, чтобы в наступающем году мы были счастливы и навсегда вместе. Я выпью за то, чтобы мы после победы нашли в Германии свое счастье и еще свой дом,

даже через тяжелый труд (как бы тяжел он ни был). И тогда я тебя крепко-крепко поцелую.

Я надеюсь, что ты и без меня весело встретишь Новый год в кругу твоих хороших товарищей. А если тебя одолеет более чем пятиминутная тоска или ты заскучаешь, передай окружающим привет от меня и скажи, что они слабаки, из которых песок сыплется. Как бы там ни было, пожелай им от меня хорошего Нового года и много счастья в их будущей деятельности.

Ну, сейчас все-таки отнесу пластинки. Осторожнее! Иначе Пап оторвет тебе голову. Я с нетерпением жду тебя, если не первого, тогда хотя бы седьмого. «Командировки» очень желательны. В любом случае по два письма в день.

Много-много новогодних поцелуев (которые ты, естественно, можешь забрать сама). От твоего обделенного любовью, страдающего, одинокого и брошенного мужа.

Миша

Эмми Вольф, урожд. Штенцер (род. в 1923 г.) — после прихода Гитлера к власти в 1933 г. бежала с матерью в Москву, в 1942 г. ушла добровольцем в Красную Армию, была ранена. С 1945 г. — редактор «Тэглихе рундшау», изучала литературоведение, защитила кандидатскую диссертацию, стала куратором наследия Фридриха Вольфа. С 1944 по 1976 г. — первая жена Маркуса Вольфа.

¹ «Люкс» — после революции гостиница Коммунистического Интернационала, в 30-е гг. место проживания многочисленных, в том числе немецких, эмигрантов, некоторые постояльцы стали жертвами НКВД.

* * *

Берлин, 4 июня 1945 г.

Мои дорогие!

Сегодня утром я без проблем добрался до этого «радиодворца». В ближайшее время это и будет моим рабочим местом. Пока я еще толком не знаю, с чего начать.

Полет прошел очень хорошо. Эмми летела на другом самолете, ее рвало как...

Полет был очень интересным. Промежуточная посадка в Минске. После Одера небольшая полоса опустошенной земли, разрушенные укрепления. Потом до Берлина красивые, чистые и не тронутые войной деревни и небольшие города, окруженные лесами и озерами, великолепные автобаны и т. д. Пригороды Берлина кажутся сверху практически неразрушенными. А потом круг над самим Берлином! Не веришь своим глазам. С высоты все это выглядит совершенно неестественно. Улица за улицей, район за районом: полностью разрушены, ничего кроме пустых коробок, и только транспорт на расчищенных улицах свидетельствует о том, что там внизу действительно Берлин, а не созданный руками перусердствовавшего декоратора макет. Приземление в аэропорту Темпельхоф. Некогда грандиозные строения вокруг летного поля полностью выгорели. Мы идем в «зал ожидания» — это просто квартира сбежавшего нациста. Здесь еще остались дома, которые, наверное, принадлежали чиновникам среднего звена. Они очень простые, но очень хорошо построены. В садах зреет черешня. Меня вообще удивило, что в Берлине так много зелени.

Центра города, где было много узких улиц, больше нет, а на окраинах все очень красиво и зелено. Поскольку центр, скорее всего, можно будет восстановить лишь частично (во что, когда смотришь на это, не очень верится), новый Берлин будет абсолютно «зеленым городом». Другого и нельзя себе представить, и член городского совета господин Швенк (отдел планирования) абсолютно со мной согласен.

Вот так, а теперь дальше. Сначала у меня, естественно, было странное чувство. Люди на улицах говорят по-немецки. В то же время много солдат-красноармейцев и офицеров. Первое впечатление: много велосипедов, детских колясок и очень много молодых мужчин призывного возраста. В Темпельхофе народ был довольно подавленный и работал без охоты. Впечатления сначала были довольно странными. К сожалению, у меня нет времени, чтобы описать все подробно.

Только вечером за нами приехал автобус. Мы отправились в путь через мертвый Берлин. Мы кружили практически по всем центральным улицам. С проезжей части мусор уже почти убрали.

Мы вглядывались, пытаюсь найти какое-нибудь маломальски уцелевшее здание. Безуспешно. Все, буквально все разрушено, безнадежно разрушено. Наверняка было бы рентабельнее выстроить новый город, чем заниматься мусором и руинами!

Мы ехали вдоль Франкфуртерштрассе. На Франкфуртер-аллее периодически встречаются более или менее уцелевшие дома. Во Фридрихсфельде почти все уцелело. Там мы заселились в дом, в котором устроили офицерскую гостиницу. Одним словом, там все очень хорошо: просто, практично и современно. Там мы и просидели сегодня до утра в ожидании, пока за нами приедут, гуляли, говорили с людьми и т. д. За эти дни мы почти забыли то, что видели в центре города. Сравнительно мало разрушенных домов, красивые улицы, магазины, полные хлеба и других продуктов, хорошо одетые, праздно живущие люди. «Братание» с Красной Армией, преимущественно на скамейках. И это через три недели после окончания боев и после тех первых дней, когда, к сожалению, имели место многочисленные и неприятные инциденты с нашей стороны. Но при этом никто ничего не потерял, кроме часов и «девственности». Парикмахерские, часовые мастерские и т. д. работают. Никаких очередей. В эти дни восстановили движение, поехали полупустыми первые автобусы и трамваи. Большие участки метро и городской железной дороги опять функционируют. В многочисленных ресторанах есть пиво, с сегодняшнего дня даже 10-процентное, за 50

пфеннигов. Вчера было воскресенье, и было ощущение, что войны никогда не было. На каждом углу спортивные праздники, ресторанчики, кабаре, варьете с разнообразными программами и танцами. Мы были в Шеневайде и в Карлсхорсте. Футбольное поле переполнено. В основном мужчинами в выходной одежде.

Вечером мы были в варьете «Капитоль». С Геншовым¹ в качестве конферансье. Выступала и его жена Рене Штобрава². Что скажете? К сожалению, я не поговорил с ней. Но в этом и не было никакого смысла. Ничего хорошего о ней не говорят.

Сейчас я нахожусь в радиоцентре, который чудесным образом уцелел. Товарищ Грюнберг, с которым я отправляю это письмо, расскажет вам больше о нашей работе. Нас здесь шестеро немцев, еще один майор и 600 человек из «бывших». (Но это, естественно, между нами.)

Выбраковать можно будет, к сожалению, только незначительную часть, поскольку многие, и даже большая часть, будут нужны. Но я думаю, что со временем все будет в порядке.

Наш главный кадровик Маттиас Кляйн (тебе он знаком) сказал мне сегодня, что один твой знакомый из Дюссельдорфа (Крумм или что-то вроде этого) спрашивал о тебе. Может быть, я его увижу. Я хочу побыстрее завершить, поскольку нас ждет борьба по всем законам вежливости. Бывшие господа-управленцы еще имеют власть.

Хочу обобщить мои впечатления. Население Берлина, т. е. района, в котором находится наш радиоцентр, как бы странно это ни звучало, совершенно не осознает, что Германию победили, а эти люди сами причастны к грабительской войне и к преступлениям.

Великодушие Красной Армии, равного которому история не знает, после первого ужаса и страха первых дней воспринимается как само собой разумеющееся, и начинается недовольство. Люди не понимают, в какую катастрофу Гитлер вверг Германию. Без помощи Красной Армии они все сдохли бы от голода. Они не понимают, какое значение имеет то, что немецкому народу здесь и только здесь предоставляется возможность возрождения.

Мы — единственное немецкое радио, которое сейчас больше всего слушают и западнее Эльбы (к большому раздражению Ройтерс и т. д.).

Люди возмущаются тем, что часто вместо жареного кофе продается сырой, зеленый. Они возмущаются в еще большей степени (посмотрите на СДПП) тем, что вывозится оборудование.

И как великолепны, как человечны и доверительны на этом фоне русские и украинские девчонки, которые сейчас здесь работают. Я мог бы написать об этом много страниц. Так щедры, добры, не злопамятны, ни одного слова ненависти и уж слишком доверчивы. Это немедленно используется «господствующей расой». Она (пока еще) убеждена во вседозволенности. И здесь же немецкая спесь. На футбольной игре такие изысканно одетые молодые люди (каждому второму из которых точно место в Сибири и каждому третьему — у стенки) отпускают свои грязные замечания.

Или взять «невиновных» немцев, например, с нашего заднего двора. Семья рабочих. Сразу большая дискуссия о том, в какую из нацистских квестов они хотят въехать. Из разговоров с соседями стало ясно, что их отец (сейчас он в плену) выдал пятерых коммунистов гестапо и т. д. Поводы для радости случаются редко. Я разговорился на улице с 76-летней женщиной, женой рабочего. Такие знания и понимание всех вопросов, которые обнаружилла эта старая женщина, вряд ли встретишь здесь у членов партии. Она помнит все этапы рабочего движения, помнит речи Бебеля, Карла Либкнехта (которого она знала), Цеткин, Марты Арендзее и других. Она сказала, например: «Если бы Бебель был еще жив, он бы столкнулся головами коммунистов и социал-демократов, чтобы они пошли одним путем. Тогда Гитлер никогда бы не пришел к власти. Бебель был настоящим вождем рабочих, в отличие от Эберта и прочих “якобы пролетариев”». Или: «У нас выступал Троцкий. Хорошим он не был. Вот Ленин и Сталин правильные». К сожалению, таким женщинам уже по 76 лет. Но все-таки нашлось много старых членов партии, очень много. И подпольное движение (разных оттенков) в Берлине было, в больших масштабах, чем мы могли мечтать. Чтобы получить окончательное представление, еще нужно увидеть и взвесить все. Да вы и сами скоро все увидите.

Ой, самое главное я забыл. Я сразу встретился с Кони³. Уже в первый вечер я узнал, что он работает в газете «Берлинер цайтунг» у Кирсанова⁴ и Эрпенбека⁵. И потом, на третий день, он приехал на мотоцикле «Пони», как «неистовый репортер». Встреча была короткой и немного «официальной». Я думаю, что, как только наша ситуация стабилизируется, я буду видеть его чаще. Он сам наверняка расскажет вам о своей кампании в Берлине. Вчера к нам хотела прийти Марианне Вайнерт⁶, но нас не было дома.

А теперь немного личного: на сегодня наше положение пока не ясно. Как я уже говорил, я провел один день в этом хлеву, который следовало бы взорвать вместе со всеми, кто здесь находится. Предположительно я буду жить в Шарлоттенбурге. Для этого мне нужно «легализоваться» на свой страх и риск. Что из этого получится, если сейчас здесь появятся американцы, я не знаю. Может быть, это все же как-то решат.

Эмми работает у Соколова⁷ в «Тэгглихе рундшау», там ей дадут комнату. Как только восстановят транспорт, она переедет ко мне. Пока я не могу представить себе, как и что будет с зонами.

Что здесь есть? А чего нет? Есть: пиво, хлеб, картофель, овощи, варьете, кинотеатры. Больше, насколько я могу судить, ничего.

Наша первая партия бродит здесь, как банда разбойников. Если повезет, получишь квартиру, в которой много чего осталось. Смотрите сами. В первую очередь: все до последней тряпки нужно брать с собой. Если вы сможете отправить мне посылку, тогда прежде всего разные мелочи: ножницы, одеколон, щетку, средства для ухода за обувью, мыло и т. д. И самые главные книги, и актуальные материалы. Ну вы сами увидите, что там еще осталось. Но пока я обойдусь без всего этого. Для Эмми важны все оставшиеся вещи, прежде всего банный халат, красные брюки и старые вещи. Еще хотел отметить — здесь есть целые виллы, пожалуйста, но туда не ходит транспорт, а потом там будут союзники. Кроме того, в плане нашего обеспечения мы очень мало сотрудничаем с Красной Армией.

Мени, позвони всем моим друзьям (Алик: К-56362, Володя⁸: К-40939), передай им от меня горячий привет. Они могли бы

как-нибудь прийти к тебе, и ты переведешь им письмо. Адреса у меня пока нет. Поэтому пока только крепко целую тебя.

Миша

Эмми уже три дня назад написала письмо. Я не знаю, успею ли я его получить.

Фридрих Вольф (1888-1953) — писатель (пьесы, проза, эссе), врач, отец Маркуса Вольфа.

Эльза Вольф (1898-1973), для близких Мени — мать Маркуса Вольфа.

¹ *Фриц Геншов (1905-1977)* — актер, режиссер, сценарист.

² *Рене Штобрава (1897-1971)* — актриса, не выступала против нацистского режима, после войны — роль в фильме Эриха Энгеля «Афера Блюм», роли в детских фильмах.

³ *Конрад Вольф (1925-1982)* — младший брат Маркуса Вольфа, эмиграция в Москву, в 1942 г. ушел добровольцем в Красную Армию, с 1965 г. — кинорежиссер. Президент Академии искусств ГДР. Член московской «тройки», дружеского союза троих молодых людей: американца Джорджа Фишера и немцев Конрада Вольфа и Лотара Влоха, о которых Маркус Вольф написал книгу «Трое из тридцатых».

⁴ *А. В. Кирсанов* — офицер отдела культуры Советской администрации в Берлине.

⁵ *Фриц Эрнстбек (1897-1975)* — немецкий писатель и публицист, главный редактор журнала «Театер дер цайт».

⁶ *Марианне Вайнерт* — дочь писателя Эриха Вайнерта.

⁷ *М. П. Соколов* — советский офицер отдела культуры в Берлине.

⁸ *Володя: Вольфганг Леонгард (род. в 1921 г.)* — историк, друг юности Маркуса Вольфа в московский период.

* * *

19.11.49.

Дорогая моя,

уже третий день я в связи с отъездом Шмотца собираюсь тебе написать подробно письмо, но вот уже последняя минута.

За эти дни я буквально работала с утра до утра. Приходилось мне печатать несколько десятков писем, коп, заявок, документов на русском и немецком машинке, наносить визиты коллегам, заботиться о других делах Миссии (коп. ведут себя как в Гетсаге) и т.д. Ужасно нехватает секретарши, которая могла бы сделать 3/4 всей работы.

А вообще я уже ужасно соскучилась по Вас и всякими приемами форсировал отъезд Шмотца, Гинерба ускорю возвращение Аннелетта, это ускорит мой приезд. Я думаю вернуться в середине декабря, и это ужасно долго. Немного и беспокоюсь о Вас, как Вы там со

- 2 -

всем делам справиться. ? Это же никак
Татьяна и Мишук? Ты подробно
нашим. Очень скучно без вас всех, особенно
без Мэбба, Джорджа!

Постараюсь, все же. Расскажу кое-что
вкратце (подробно пусть Мэбб расскажет
Шмотцу, которому я прошу Мэбб помочь с
машиной. Он же может Мэбб помочь со
всеми другими делами).

Приметили мы диагоналку. Было
уже темно. На аэродроме нас встречало
очень много народа (зам. министра Лавришев,
Шавва и миссия всех народных демократий
и др.). Устроили нас в гости. Митфонюк.
У меня очень хороший, большой, свежий
макер с медом в семье Людовика XII, коши
я следя зубобуя, засыная на несколько
часов в роскошной постели. (Ванная тоже
есть хорошая) Сейчас выяснилось, что
одна комната ^{мне} (мало, так как и мне
нужно принимать целый ряд официа-
льных и др. визитов. У Антона две
комнаты, но, по моему, хуже чем моя.
У Шмотца тоже одна и одна для канце-
лярки (но все в разных местах)..

На другой день я был с Шмельцом
у Урюкина. Вручил письмо Швернику
до 7 ноября не удалось.
6го Шмельцы был в Большом
Театре, а мы с Шмельцом поехали
Миниминскую в Москве. 7го я был
на параде. Сдали слова от Лавришев
во втором ряду со всеми советниками.

Коллеги от Кар. демократич. инициативы нас очень хорошо. Канадский Советник представился мне и заехать было разговор, но в вечер того же дня на приеме дикторуса даже не поздоровався. Он пошутил, очевидно, сообщ. указание. Но рассказам коллег из Кар. дем. Западное очень интересно-наш дем. Западное очень интересно-наш дем. Разом со мной нашим примером. Разом со мной своим Семенов, коф. очень серьезно поздравил меня с назначением.

Вечером были на приеме у Грамико. Все происходило по всем правилам протокола. Много было, это у меня не было опыта Т.к. все коллеги были в этой сфере. Все это было на так заметно, г.к. пригласовали делегацию, коф. даже были просто ожебы. Заго нам Макс Блески во фразе (мы оживали его вводим 1 1/2 часа). Он удивлен в этом отношении, и все бы он всем вопросам уделял бы больше внимания, как ожебы, го было бы очень хорошо. Все же он своим в центре внимания, с нами полюбил нашими взглядами Западников демонстративно и даже Бесеровали Соколовский, Буденный, Грамико, Зверев и др.

В пригласии я был вместе с Коки, коф.
вряд ли чего увидишь; но с гениальным
скоро хузо буре, и не знаю смогу ли
в эту из своего кармана помощь. Я
ему уже несколько дней не звонил
(не было времени) и я боюсь что он
подумает что-нибудь не то. Но это в
Тавра поправлю. ~~Там~~ С меморандом
генералом (Браун изр.) мужеством
Гриша Курева, отца которого я тоже
московско рас вижу. Андрей хотел вер-
нуться в Германию.

Так как почти все сейчас идет через
меня (после моего беспрерывного
такого по важным вопросам с зам.
министра), у меня было во все эти
дни крайне много дел: Председатель
переговоры, переговоры, оформление договоров
дел Генерала и Генерала изр и др.
должны быть самые первые и необходимые вещи
(бухгалтер, конверты, печать и др, есть очень
сложно и финансируется у нас).

Н-го в 16:00 нас пригласил Шверник.
Анжела был при фразе и генерале.
У Крива нас встретил камскант Кремля и
привел в приемную Шверника. Ровно в
16:00 нас пригласил, и в зале уже
ждал Шверник с Горкиным и зам. мин-
истром Боринским. Анжела поговорила
и председатель меня и Шверника. Все
это снималось и фотографировалось.

Задем Миненко и Шверник поехали на Ю
минку в каникулы последнего, в до буднич
к мне разговаривали с друзьями (в раз
весе с Грибачевым, каф. Сибас руководит
3-им Европ. офисом).

На всех этих приемах и при переговорах
меня приглашал - командир Советских. Это
заставляет меня каждый раз прибавить
Грибачеву. Вообще странно, и кемного друзей
быть здесь, особенно, и думать все время
чтобы не сделать гр-никуда меньше. А вообще
все правится нужно соблюдать, и я так
никому не знакомых не зови. Свободы
переворачивая вне Москвы почти нет, и
за всем этим очень следят. В Москве же
мы двигаемся свободно. Может быть, тогда,
когда я буду ближе знаком с людьми, это
не будет так обратно.

Но то что нас мы были приглашены
ка приемах кем-то. Делались в ВООС.
Привел Тердиргу и Ташаро (офиса
конечно тоже есть, Уин и все знакомые
Видел там проф. И.И. Андисимова и его
жену, которая Мелли Мелли большой
привет. Были там: ~~Ташаро~~ Ташаро
Макарова, адис Бабочкин, Кургановские,
Сергей Михайлов, Мирев с Лавкиной,
Борис Александров и многие другие.
Кстати: здесь мне очень-очень нужно было

мнею мецовку. Смокинг. Мороз бьет, как
при сильном поговорили с Зиммерером,
чтобы мне уже заготовили материал для:
фрака, Смокинга, 2-3 костюмов, сафьян. б.
Мальто, Мягты, Мерцажки, Божинки.
Для Мидз, Варно: здесь кроме тапачи.
не косят вечер. плафев с Большим
вырезали. Заго мафья с Schlegge,
обычно. Для Юного зимнего наево
коричн. каракуль ростать очень трудно.
Есть соболь или куница. Пили или
Звони это куница и скалка. (Марина
ваших зубов, кофачи, ниже в смысле
кебу. Я обшил около горныи магасенов,

Сейчас звонил Коле. Он завтра ко мне
придет. Медель его все пока добавит
в нашу квартиру.

Последние дни мне пришлось писать
каждому Маше в отдельности продо-
вольные письма. Когда уезжал мне
приезд Лилины или кто-нибудь из
нас ~~на~~ всю эту церемонию нужно
повторять. Кроме того из-за каждого
приезда и отъезда посылается по
в Минусинск. Так это секретарша
куница со зарплатой. Если там из каких-
либо соображений не ходят посылать
туда Эрику и Лилину, пусть
сначала поедет Лилина. Точно было

- 7 -

ты, если бы ее могли поместить куда-нибудь в другое место тебе же здесь работало в качестве бухгалтерской смены совершенно исключено. Это было бы со всех точек зрения невозможно, хотя бы из соображений профсоюзного вопроса. Мама, очевидно, сможет приехать без затруднений. Но, к сожалению, перспектива получения знания и переговоров квартиры еще весьма туманны. Обещают сделать это быстро, но даже, если здание освободится к концу года, ремонт, вероятно, потребует еще время. Когда я приеду, тогда все подробно обсудим. Мне очень бы хотелось, чтобы ты с мамочкой приехали сюда в гости, но вряд ли это целесообразно. Повторюсь об этом позже. Еще обратят внимание на наши отапливаемые квартиры. Здесь очень красиво дача, особенно, когда нет квартала. Мы платим в год за завтрак обед в среднем 120-150 руб., за завтрак 60-90 руб., за комнату в день от 50-90 руб., за уютную буханку 6 руб., за фрукты 6 руб. и т.д. В других миссиях советскими получают в месяц 6-11 тысяч рублей. Не знаю, как это будет скажи. Для Республики это вполне невозможно.

Радио я слушаю днем Лейтценг на корабле виле и Дейчландсенгер

Москва, 22 сентября 1950 г.

Дорогой Герберт,

наверняка ты удивишься, получив от меня вдруг письмо: а еще больше тебя, наверное, удивит причина, которая меня на это сподвигла.

Герберт, вчера вечером я был в театре, в моем любимом московском театре — *Театре драмы* (раньше он назывался *Театром революции*). Спектакли этого театра целиком и полностью соответствуют его старому названию; это действительно свежий, живой, революционный театр.

Мне кажется, что я рассказывал тебе о потрясающей постановке «Молодой гвардии» Фадеева. На этот раз это была пьеса о *Юлиусе Фучике*¹. Она произвела на меня такое впечатление, что мне просто не терпится рассказать кому-нибудь о том, что я сегодня чувствую. Может, это Фучик заставил меня, ленивого до письма человека, опять взяться за перо.

Мне пришла на ум идея: а что, если мы будем время от времени обмениваться мыслями о том, что происходит вокруг нас, — ты из Берлина, а я из Москвы? Почему мы, черт побери, не можем потратить часть времени, которого нашим прадедам (среди которых тоже были весьма занятые люди — вспомни хотя бы Маркса и Энгельса) хватало с избытком для обширной переписки! Ведь мы живем в такое время, что нам позавидовали бы наши прадеды, и как нам позавидуют наши правнуки!

А теперь о Юлиусе Фучике. Герберт, загляни в *Репортаж*. Знаешь, если становится тяжело на душе, если кажется, что тебя покидают силы, стоит прочитать такую книгу или хотя бы подумать о ее героях. Глядя на них, выпрямится даже самый слабый. Ученые разводят дебаты о том, возможно ли создать образ нашего абсолютно положительного коммунистического героя, да так, чтобы литература при этом не потеряла содержания, достоверности и убедительности. А здесь один и тот же человек, Юлиус Фучик, не только описал этого положительного героя, но сам стал его прообразом! Ты наверняка